

Запрет на вмешательство

Макс Глебов

Стратегия воздействия

«Автор»

2020

Глебов М. А.

Стратегия воздействия / М. А. Глебов — «Автор»,
2020 — (Запрет на вмешательство)

ISBN 978-5-519-73153-9

Петр Нагулин выяснил, наконец, отношения с НКВД и, как ему кажется, убедил руководство СССР в своей лояльности. Однако новая должность принесла ему и новые проблемы. Сейчас он в Москве, пока еще расположенной вдали от фронта, но старший лейтенант госбезопасности не может спокойно наблюдать, как в Киевском котле погибают сотни тысяч окруженных красноармейцев, и выходит к начальству с предложением, которое в очередной раз ставит его дальнейшую судьбу под большой вопрос.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	45
Глава 7	56
Глава 8	67
Глава 9	80
Глава 10	90
Глава 11	100
Глава 12	113

Макс Глебов

Стратегия воздействия

Глава 1

Контрудары сороковой и двадцать первой армий не имели никаких шансов на успех. Сильно ослабленные в предыдущих боях за Киев, они даже после пополнения не обладали достаточной пробивной мощностью для того, чтобы прорвать кольцо окружения и вновь открыть коридор к остаткам трех попавших в котел армий. Однако это был тот самый случай, когда победить невозможно, но вступать в бой все равно надо – о том, чтобы оставить погибать в котле двести тысяч человек никто в Ставке даже думать не хотел.

Вычислитель бесстрастно выдавал сухие цифры расклада сил. Специальных программ для прогнозирования исхода сражений в его памяти не имелось. Они остались на лунной базе, где мне с легкостью рассчитали бы вероятность успеха каждой из сторон, оптимальную стратегию и тактику за обоих противников и математическое ожидание потерь. Тем не менее, кое-какие оценки можно было сделать и с помощью имевшихся в моем распоряжении средств.

Времени на то, чтобы разбираться с управлением спутниками у меня оставалось не так много, но я старался его все-таки находить. Дело продвигалось с ощутимым скрипом. Если в инструкциях мне что-то оказывалось непонятно, а такое случалось довольно часто, попросить помощи было не у кого. Мое базовое образование совершенно не предназначалось для решения тех задач, которые я перед собой ставил. Интерфейс управления спутниками подразумевал наличие у оператора знаний определенного уровня, и инструкции тоже рассчитывались на людей, этими знаниями обладавших. В результате некоторые термины я просто не понимал. Вычислитель спасательной капсулы в отдельных случаях умудрялся помочь мне, давая справочную информацию, но его базы данных тоже составлялись не для управления научными спутниками, и уж тем более не для помощи пилоту в создании программ для анализа боевых возможностей армий докосмической эры.

Основам программирования меня учили. Считалось, что как пользователь многочисленных симуляторов космического боя, пилот должен иметь представление о том, как они работают. Никто, понятно, не рассчитывал на то, что я полезу в исходный код менять под свои цели какие-то параметры или искать недокументированные возможности программ, но разработчики учебного курса считали, что принципы принятия решений вычислителем должны быть мне понятны хотя бы в общих чертах.

Предмет, казавшийся мне поначалу совершенно бесполезным, неожиданно меня заинтересовал, просто как неплохое упражнение для мозга, и я даже на какой-то период им увлекся, чем сильно удивил руководителя учебной части. Потом, за текущими делами, я забросил это занятие, но кое-какие навыки остались, и теперь я был искренне рад тому давнему увлечению.

Моим непосредственным начальником стал старший майор госбезопасности Судоплатов – фигура, пользовавшаяся в наркомате Берии огромным авторитетом и почти безграничным доверием, заслуженным опасными, но убийственно эффективными операциями по устранению главы украинских националистов Евгения Коновальца и личного врага Сталина Льва Троцкого. Честно говоря, я Судоплатова опасался, и мне не хотелось сообщать ему результаты моих размышлений, заставлявших меня весьма скептически смотреть на идею деблокады окруженных под Киевом войск ударом сороковой и двадцать первой армий. Вот только обвинения в пораженческих настроениях мне и не хватало.

Однако просто заниматься текущими делами, наблюдая за тем, как одна за другой проваливаются попытки контрударов, я не мог. Вообще, я понял для себя одну простую вещь –

эта война постепенно перестает быть для меня чужой. Раньше в качестве своих я воспринимал только непосредственно окружавших меня красноармейцев и командиров, с которыми вместе шел в бой, но чем дальше, тем больше я начинал понимать, что это понятие стремительно охватывает все большее и большее число людей. В какой-то момент своим для меня стал взвод ПВО, потом весь сводный батальон генерала Музыченко, дальше в эту же категорию попала трехсотая дивизия, арtpолк подполковника Цайтиуни, а теперь, похоже, и весь Юго-Западный фронт, разорванный сейчас немцами на две части и разделенный на окруженных и тех, кто оказался вне котла.

Мне стоило немалых трудов заставить работать в связке искусственный интеллект, оставшийся в спасательной капсуле, и бортовые вычислители спутников. До разрушения лунной базы они никак между собой не взаимодействовали, и считалось, что взаимодействовать и не должны. Теоретически, имеющиеся у меня коды доступа позволяли подружить между собой эти устройства, но на практике я возился с этой задачей много часов. Зато теперь обучение искусственной нейронной сети, созданной мной для моделирования действий русских и немецких армий, происходило гораздо эффективнее. И главное, процесс этот не требовал моего непосредственного участия. Прямой доступ к базам данных сети спутников позволил вычислителю капсулы черпать оттуда все необходимые сведения о ходе сражений и маневров, практике применения того или иного оружия, способностях и умениях командиров, в общем, все, что требовалось скормить нейронной сети для ее тренировки на исторических данных.

Саму нейронную сеть я, конечно же, создавал не с нуля. Такой объем программирования был бы мне просто не по силам, да и не справился бы я с этой задачей с моим уровнем квалификации. На мое счастье интерфейс пользователя сети спутников предлагал большой выбор готовых блоков, из которых, как из деталей конструктора, можно было собирать нужные мне программы. Конечно, какими-то основами этого процесса владеть все же требовалось, и, как оказалось, моего уровня подготовки едва хватило – задачка мне попалась весьма нетривиальная.

Обучение сети заняло трое суток. Я проверил результат и убедился, что при тестировании на уже отгремевших сражениях моя программа дает вполне приемлемые по точности прогнозы. Оставалось надеяться, что и с прогнозированием хода предстоящих битв она тоже справится.

Как я и опасался, Судоплатов видел в моих способностях, прежде всего, отличную возможность для формирования сверхэффективного диверсионного отряда. Возможно, он даже смог убедить Берию в том, что именно так и нужно нас использовать. Во всяком случае, все первые дни нас обучали именно по программе подготовки диверсантов.

Меня это, естественно, не устраивало. Я не собирался всю войну бегать по немецким тылам, взрывая мосты и захватывая «языков». В принципе, против такого использования моего отряда я ничего не имел, но только в качестве одного из направлений, причем вспомогательного, не более. Однако подходящего момента для выяснения отношений с новым руководством не подворачивалось, да и весомых аргументов у меня не имелось. Теперь же, после провала нескольких попыток деблокады окруженных, они появились.

– Товарищ старший майор госбезопасности, разрешите обратиться, – остановил я своего непосредственного начальника после очередного инструктажа.

– Слушаю вас. – Судоплатов был не в духе. Видимо, дела на фронте не располагали к оптимизму.

– Насколько я могу судить, попытки пробить коридор к окруженным под Киевом войскам пока не принесли положительных результатов, – негромко произнес я, чтобы кроме нас моих слов никто не слышал. – Сороковая и двадцать первая армии, я полагаю, были вынуждены отойти на исходные позиции, а то и отступить дальше на восток...

– Откуда вам это известно, старший лейтенант? До вас текущее положение на фронте не доводилось, – остро посмотрел на меня Судоплатов.

– Товарищ Берия несколько дней назад показывал мне карту района Киевского котла с актуальной на тот момент обстановкой. Я много думал на эту тему и пришел к выводу, что имеющихся у нас сил совершенно недостаточно для прорыва кольца окружения.

– Даже если это так, какое это имеет отношение к нашим текущим задачам, старший лейтенант? К чему вы все это мне говорите?

– Самое прямое, товарищ старший майор госбезопасности. Если вы уделите мне десять минут, я все объясню, но лучше делать это не здесь.

– Хорошо, идемте. В моем кабинете нам никто не помешает, – ответил Судоплатов и быстро зашагал по коридору.

Пока мы шли, я еще раз разложил по полочкам детали плана, родившегося в моей голове сегодня утром, и окончательно обсчитанного вычислителем как раз к концу занятия.

– Как я понимаю, у вас есть какие-то конкретные соображения, – произнес Судоплатов, усаживаясь в кресло за своим столом и жестом предлагая мне занять одно из мест для посетителей. – Времени у меня немного, так что переходите сразу к делу.

– Есть две основных проблемы, которые не дают сороковой и двадцать первой армиям достичь успеха. Это преимущество противника в подвижности и в средствах связи. Немцы замкнули кольцо с помощью моторизованных соединений. Кроме того, у них хватает и пехоты из армии Вейхса и из накопленных на Кременчугском плацдарме пехотных дивизий. В результате, любой намечающийся успех наших войск противник достаточно легко сводит на нет быстрой переброской танков и артиллерии на угрожаемый участок.

– Это не новость, – пожал плечами Судоплатов. – Такое положение дел мы наблюдаем с самого начала войны.

– Вы, безусловно, правы. Однако в данном случае концентрация подвижных соединений у противника в разы выше, чем это обычно бывает. Фактически, нашим армиям противостоят две танковых группы, пусть и несколько потрепанных в предыдущих боях и растянутых на довольно широком фронте. Если просто пытаться нащупать слабину в их обороне и пробовать пробить в этом месте брешь, ничего не получится, только людей и технику потеряем.

– Допустим, – не стал спорить старший майор, – но никаких конкретных предложений я пока так и не услышал.

– Единственный способ обеспечить успех прорыва – дезорганизация управления войсками противника. Непосредственно перед атакой извне и изнутри кольца необходимо нанести удар по штабам немецких моторизованных корпусов.

– Отличный план, – ядовито усмехнулся Судоплатов, – И как же вы хотите это сделать, старший лейтенант? Может быть, вам известны места размещения этих штабов? Или вы считаете, что немцы дадут нашей авиаразведке обнюхать каждый квадратный метр своей территории? Вы не забыли, у кого сейчас господство в воздухе?

– Товарищ Берия говорил мне, что у него есть очень интересные фотографии, – спокойно ответил я, никак не реагируя на издевку в голосе непосредственного начальника. – Там изображено то, что осталось от немецкой колонны после ночного бомбового удара одного из ТБ-3, пилоты которого получали мои команды с земли. Я находился в десяти километрах от этого места, однако бомбы попали в цель.

Я замолчал, но знаменитый диверсант не торопился с ответом и лишь внимательно смотрел на меня, ожидая продолжения.

– Мне нужен скоростной самолет-разведчик с опытным пилотом и тройка истребителей для прикрытия. А потом, когда стемнеет, десяток дальних бомбардировщиков ТБ-7 и Ер-2 из тех, что в августе летали бомбить Берлин.

– А пару армий в усиление вам не требуется, старший лейтенант? – Судоплатов откинулся на спинку кресла, разглядывая меня, как экзотическую диковинку, – Мы, если вы заметили, здесь занимаемся несколько иными вопросами, весьма далекими от пустых проектов. У меня всего месяц на то, чтобы сделать из вас настоящих диверсантов, способных проходить немецкие заслоны, как нож сквозь масло, и я это сделаю! А вы, товарищ Нагулин, предлагаете мне нарушить приказ, прервать подготовку группы, и заняться продвижением вашей авантюры, из-за которой мне придется отвлечь от важных дел очень серьезных людей.

– В Киевском котле ждут помощи двести тысяч наших бойцов и командиров, – медленно произнес я, выделяя голосом каждое слово. – И они останутся там навсегда. Их рассекут на части и добьют по отдельности, если, конечно, мы ничего не изменим в текущих планах прорыва. Вы опытный командир, товарищ старший майор государственной безопасности, и отлично знаете, что я прав. Мне нужны всего сутки – один день и одна ночь. Вы – мой непосредственный начальник, и кроме вас мне не к кому обратиться. Прошу вас вспомнить мост через Днепр и последующие события. Мне тогда тоже поверили далеко не сразу.

Судоплатов поднялся и смерил меня нехорошим взглядом. Я тоже встал, но он жестом велел мне сесть на место.

– Жди здесь, – приказал старший майор, неожиданно перейдя на «ты», и вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

* * *

– Итак, вы его упустили, – к удивлению Рихтенгдена, генерал произнес эту фразу совершенно спокойным голосом, – Вы не смогли вырвать майора Шлимана из рук русских диверсантов, и теперь мы вынуждены считать, что все, что он знал, знает и противник. Все это весьма прискорбно, не находите, полковник.

– Вся ответственность за эту неудачу лежит исключительно на мне, герр генерал, – четко ответил Рихтенгден, глядя начальнику прямо в глаза, – Все мои люди и привлеченные бойцы «Бранденбурга» проявили себя исключительно компетентными специалистами, и только мои ошибки привели к срыву выполнения задания.

– Не торопитесь себя оговаривать, – усмехнулся уголком губ генерал. – Адмирал Канарис поручил мне провести расследование этого инцидента, и, поверьте мне, я выполнил его приказ со всей тщательностью. Мы восстановили всю картину произошедшего, подробно опросив всех участников событий, от ваших людей, до жандармов и пехотных офицеров, выполнявших ваши приказы. Тех, кто выжил, естественно...

Генерал некоторое время помолчал, потом задумчиво плеснул себе в стакан воды из графина и сделал пару глотков.

– Никто из заслуживающих доверия специалистов, ознакомленных с этим делом, не нашел в ваших действиях серьезных ошибок. Такое редко бывает, ведь некоторые из них знают вас лично, и не всегда ваши отношения с этими людьми безоблачны. Однако их оценки сходятся – ваши действия в тех обстоятельствах были верными. Возможно, вам просто не хватило везения. Как, кстати, ваша рука? Не беспокоит?

– Уже лучше, герр генерал. Благодарю.

– Пожалуй, впервые на этой войне мы столкнулись с фактором, выходящим за рамки нашего понимания, – продолжил генерал. – Ваше своевременное прибытие в окрестности Кременчуга вернуло противодиверсионную операцию в нужное русло. Вы верно оценили действия противника и вывели своих людей на след вражеской группы. Если бы не эта ночная бомбардировка, предвидеть которую не мог никто, русские не имели бы возможности посадить транспортный самолет на нашей территории, а затем и поднять его в воздух. Тем не менее, даже в этих обстоятельствах вы смогли нанести повреждения русскому транспортнику. В результате

он разбился при аварийной посадке, но, к сожалению, произошло это уже на территории, занятой советскими войсками, и пассажиры, видимо, уцелели.

– Это в любом случае провал, герр генерал, – покачал головой Рихтенгден, – причем уже не первый, если вспомнить, по чьей рекомендации вы подключили к операции майора Шлимана.

– Что-то вы не в себе, полковник, – нахмурился генерал. – Или на вас так ранение повлияло? Мы с вами, похоже, поменялись ролями. Это вы сейчас должны искать аргументы в свою защиту, а я все сделал за вас, так вы еще и пререкаться со мной вздумали.

Рихтенгден молчал. Возражать у него уже не было ни сил, ни желания.

– То-то же, – немного успокоился генерал, внимательно оглядев подчиненного. – Приказ на уничтожение русского стрелка, а теперь, как выяснилось, и корректировщика, никто не отменял. Агентурной разведке уже поставлена задача установить его местонахождение, но, думается мне, это будет непросто и не особенно быстро. Майор Шлиман в плену, и теперь вы остались единственным сотрудником Абвера, хорошо знающим повадки нашего противника. Я хочу услышать ваши соображения о том, каких действий нам жать от него дальше. И ваши предложения, если, конечно, они у вас есть.

– Киевский котел, – не раздумывая ни секунды, ответил Рихтенгден.

– А конкретнее?

– Русским не взломать нашу оборону. Моторизованные корпуса группы армий «Центр» не дадут им прорвать фронт, если только...

– Продолжайте, полковник.

– Стрелок показал себя мастером наведения на цель тяжелой артиллерии и авиации. У гаубиц не хватит дальности, чтобы поддержать удар, направленный изнутри кольца, да и наша артиллерия спать не будет – не дадут русским спокойно громить наши войска. В воздухе господствует наша авиация, и никакие ТБ-3 или пикировщики красных не смогут обеспечить поддержку наступающим советским частям даже при гениальном корректировщике. Но это днем.

– Считаете, они пойдут на прорыв ночью?

– Я в этом уверен. Под Уманью русские уже применяли этот прием, и тогда у них почти получилось.

– Да. Но, как вы верно заметили, именно «почти».

– В тот раз у них не было поддержки с воздуха, а теперь она будет. Однажды я уже почувствовал на себе всю прелесть ночного бомбового удара, и, поверьте мне, не хотел бы еще раз испытать такое на собственной шкуре.

– Я вижу, вы много думали над сложившейся ситуацией, – генерал поднялся и подошел к карте, отражавшей текущее положение на восточном фронте, – Вы правы, русские уже совершили две попытки прорыва из окружения, сопровождавшиеся встречными ударами извне. Обе закончились безрезультатно и сопровождались большими потерями с их стороны. В результате положение окруженных только ухудшилось. Сейчас наши войска рассекли их на два изолированных котла, и по оценкам генерал-фельдмаршала фон Бока хоть какие-то шансы на прорыв имеют только части противника, еще удерживающие небольшую территорию западнее города Ромны.

– Они ударят этой или следующей ночью, герр генерал, – уверенно произнес Рихтенгден, – и если русский стрелок будет там, а я в этом не сомневаюсь, то наши войска подвергнутся атаке ночных бомбардировщиков. Стрелок всегда использует повторно тактические приемы, которые однажды доказали свою эффективность. Вспомните ситуацию с мостом через Днепр. Почти сразу после его уничтожения русский снова применил тяжелые гаубицы для уничтожения заслона, выставленного майором Шлиманом. Теперь он получил положительный опыт с бомбардировщиками. Я абсолютно уверен – он захочет его повторить, но уже на новом уровне и в других масштабах.

– И вы знаете, как этому помешать, полковник?

– Мы уже сталкивались с подобной проблемой, – кивнул Рихтенген. – Английские бомбардировщики летают бомбить наши города именно по ночам, и люфтваффе неплохо наловчилось саживать с неба «веллингтоны» королевских ВВС. У меня есть знакомый – майор Хельм, я сталкивался с ним по некоторым делам еще до войны. Сейчас он занимается вопросами внедрения в систему ПВО наших городов последних достижений в области радиолокации. Он сообщил мне, что в начале августа в Рехлине успешно завершились полигонные испытания бортовой РЛС «Лихтенштейн», и группа инженеров из «Телефункена» установила несколько таких станций на ночные истребители, базирующиеся в Леувардене. Поначалу наши пилоты кривили лица, когда на их самолеты навешивали слишком много внешних антенн. При этом машина действительно теряет в скорости, а утяжеление носовой части приводит к ухудшению управляемости. Однако обер-лейтенант Беккер¹ на своем «дорнье», оборудованном бортовой РЛС, в ночь с девятого на десятое августа сбил «Веллингтон», летевший бомбить Гамбург. В следующих ночных вылетах он одержал еще пять впечатляющих побед.

– И вы предлагаете мне убедить командование люфтваффе перебросить эти самолеты под Киев?

– Не только их, герр генерал. Стрелок наводит бомбардировщики на цель, используя радиосвязь. Нам потребуются лучшие системы постановки помех, какие только можно найти в Рейхе, если, конечно, мы действительно хотим спутать русским карты.

– Это будет непросто, полковник, особенно в части ночных истребителей. Боюсь, согласование придется получать на самом верху.

– Русский почти наверняка будет на борту одного из бомбардировщиков. Он не может знать о наличии у нас истребителей, способных выходить на цель без подсветки прожекторами с земли, и это дает нам шанс закрыть вопрос стрелка раз и навсегда.

Генерал в задумчивости прошелся по кабинету и вновь остановился у карты.

– Пожалуй, я найду нужные слова для адмирала Канариса, – кивнул он собственным мыслям. – Ликвидация окруженных под Киевом русских войск сейчас считается важнейшей задачей на всем Восточном фронте, и ставить ее решение под угрозу никто не захочет. Готовьтесь, полковник. Вы сегодня же вылетаете во вторую танковую группу Гудериана. В течение часа жду от вас подробный план операции со списком всего необходимого.

* * *

– Обрати внимание, у этой пушки есть своя специфика – высокая начальная скорость пули. Соответственно, при стрельбе по воздушной цели ты должна делать гораздо меньшее упреждение, чем обычно.

Лена серьезно кивнула, но было видно, что для нее это только слова, которые она пока не понимает, как воплотить в практику.

– Ну, раз все ясно, тогда давай стрелять по деревяшкам.

По моей просьбе Игнатов изготовил довольно грубую деревянную модель «мессершмитта». Детальное воспроизведение вражеской машины мне не требовалась, а вот соотно-

¹ **Людвиг Беккер** (22 августа 1911 г. – 26 февраля 1943 г.). Один из лучших пилотов ночных истребителей люфтваффе, ставший разработчиком тактики противодействия ночным налетам английских бомбардировщиков на Германию. Участвовал в испытаниях первых радиолокаторов. Одержал первую победу с применением «темного перехвата» (с использованием радара). На счету Беккера около тридцати уничтоженных бомбардировщиков противника. Погиб Беккер из-за ошибки командования, решившего привлечь ночные истребители к отражению дневных атак американских бомбардировщиков. 26 февраля 1943 г. двенадцать ночных истребителей атаковали над Гельголандской бухтой группу тяжелых бомбардировщиков В-24 «либерейтор». Единственным сбитым немецким истребителем в этом бою стал самолет командира – гауптмана Беккера. Американцы потеряли семь бомбардировщиков. В дальнейшем ночные истребители люфтваффе понесли значительные потери, поскольку ошибочный приказ об их использовании днем так и не был отменен.